

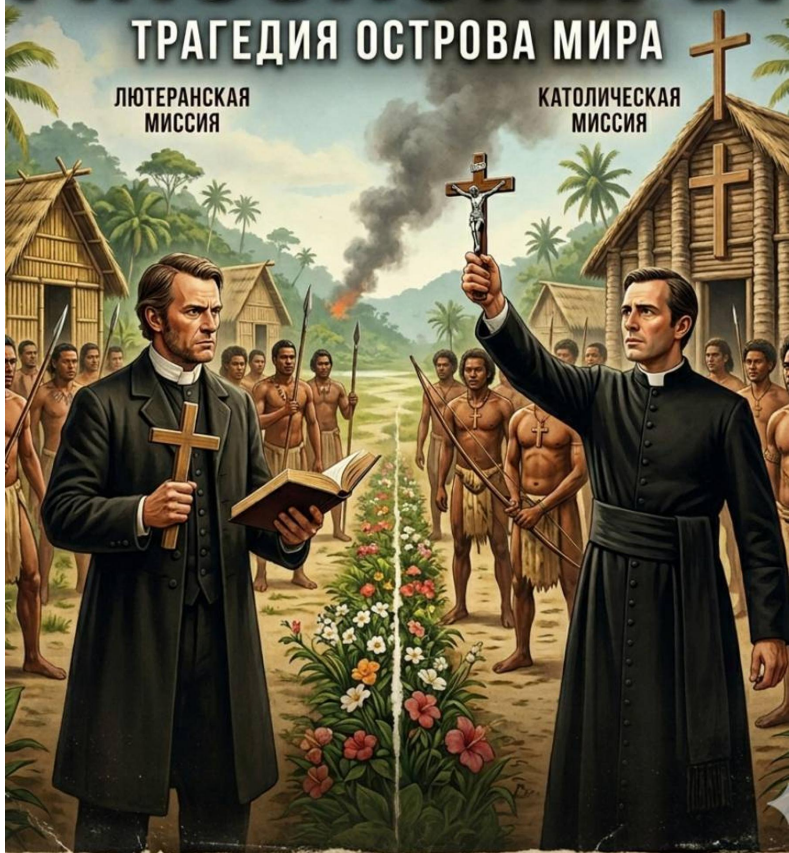
СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ

МИССИОНЕРЫ

ТРАГЕДИЯ ОСТРОВА МИРА

ЛЮТЕРАНСКАЯ
МИССИЯ

КАТОЛИЧЕСКАЯ
МИССИЯ

Сергей Цветков

Миссионеры

<https://litres.ru/73925623>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если рай действительно существует где-то на краю света? Не в метафорическом смысле, а буквально — затерянный среди океанских просторов уголок, где люди живут в гармонии с природой и друг с другом. Именно такую историю рассказывает Сергей Цветков в своём пронзительном рассказе «Миссионеры».

Представьте себе: далёкий остров, где нет ни войн, ни зависти, ни даже понятия о грехе. Местные жители поют, любят друг друга и живут в естественном согласии с миром. Звучит как утопия? Именно так и показалось пастору Иоганну Георгу Вайсману, когда он узнал об этом месте.

Но вот парадокс: вместо того чтобы оставить этот рай нетронутым, наш герой решает нести туда свет христианства. И вот тут начинается самое интересное — история о том, как благие намерения могут привести к катастрофическим последствиям.

Это история о том, как мы, желая осчастливить мир, часто делаем его только несчастнее.

Сергей Цветков

Миссионеры

Весной 1868 года капитан торговой шхуны «Северная звезда» Фридрих Блюм потряс богословские круги Германии необычайным известием. На обратном пути из Австралии он сбился с курса и обнаружил в полинезийских водах неизвестный остров. Блюм назвал его «Insel des Friedens» — Островом Мира. Три недели, проведённые там в ожидании попутного ветра, открыли капитану поразительную картину: местное население не знало ни войн, ни убийств, ни воровства. На острове не было ни идолов, ни жрецов, ни капищ, ни представлений о загробной жизни. Туземцы жили в естественном согласии с природой («пели и любили», по выражению Блюма), не ведая частной собственности, лжи и зависти. Море и тропическая растительность щедро удовлетворяли их нужды, а язык не знал различия между смертью и сном. Свои наблюдения капитан изложил в статье для «Evangelische Kirchen-Zeitung» — уважаемого органа евангелической церкви, приложив точные координаты острова. Блюм заключал: «Это живой пример Эдема до грехопадения, где человек, не отягощённый первородным грехом, существует в единении с природой, подобно Адаму до вкушения запретного плода».

Трудно было представить более дерзкий вызов христиан-

ской антропологии. Ведь если человек может быть добродетелен без Откровения, то что остаётся от доктрины перво-родного греха и Божественного искупления?

Профессор систематической теологии из Тюбингена Карл Риттер первым выступил с опровержением. Опираясь на апостольские слова «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3:23), он утверждал: «Невозможно представить человеческое общество без понятия о Божественном. Отсутствие религии есть не признак невинности, но свидетельство крайнего падения, когда человек опускается ниже животного состояния, ибо даже язычник, по слову апостола, имеет закон, написанный в сердце».

Ему возражал молодой приват-доцент из Йены Фридрих Мюллер, утверждавший, что Блум открыл живое доказательство падшей природы Европы, где цивилизация умножила грехи и раздоры.

Спор продолжился на страницах других церковных изданий и в университетских аудиториях. Одни видели в туземцах Острова Мира подтверждение теории естественного богословия, другие — торжество руссоистской идеи о благородном дикаре, третьи — опасный пример безбожия, требующий немедленного миссионерского вмешательства. «Если тамошние Адамы ещё не вкусили с древа познания, мы должны преподнести им плод Христов. Остров Мира — это остаток рая, где люди ещё не знают зла, и потому их обращение станет триумфом Евангелия», — писал профессор дог-

матики Йоганн Кальвиц.

Пастор Иоганн Георг Вайсман читал эти споры с особенным вниманием. Сын сельского учителя, он с отличием окончил теологический факультет Кёнигсбергского университета, защитив диссертацию о переводах Библии на языки американских индейцев. Его всегда влекли дальние страны, но обстоятельства привязали его к тихому прусскому городку близ Кёнигсберга, где находился его приход. Жена Вайсмана умерла от чахотки за год до описываемых событий. Трое детей были пристроены к родственникам. Прочитав об Острове Мира, Вайсман вдруг понял: его семейные несчастья были не испытанием, а предуготовлением. Провидение освобождало его для великой миссии. «Господь дарует нам возможность заново пережить библейскую историю, — записал он в дневнике. — Эти невинные души ждут слова Божьего, как иссохшая земля ждёт дождя».

Он написал пространное прошение в консисторию Кёнигсберга, испросив средства на миссию. Его доводы были просты: «Там, где нет богов, легче всего укоренить Истинного. Там, где души чисты, они скорее примут крест».

Церковное начальство поначалу отнеслось к его планам скептически. Старший суперинтендент Краузе, человек практического склада, заметил: «Герр пастор, вы хотите оставить триста душ вверенных вам христиан ради нескольких тысяч дикарей, о которых мы знаем лишь из сомнительного рассказа какого-то капитана?»

Но Вайсман был настойчив. Он обратился к синоду Кёнигсберга, представив подробный план миссии. После нескольких месяцев переписки и дебатов, синод, впечатлённый его энтузиазмом и поддержкой влиятельных теологов, выделил средства — скромные, но достаточные для путешествия. Ему также выдали перевод Нового Завета 1835 года, выполненный Джоном Уильямсом специально для полинезийцев, медицинский набор, несколько тюков ткани и рекомендательное письмо, адресованное «любому капитану, который согласится доставить пастора Вайсмана на Остров Мира». Кое-какие вещи, по уверениям путешественников, особо ценимые дикарями, он приобрёл на свои средства. Синод обязался через два года прислать за ним корабль, чтобы осведомиться об успехах миссии.

В октябре 1868 года Вайсман взойшёл на борт торгового брига «Нептун» в Гамбурге. Судно должно было доставить в Батавию партию рейнских вин и саксонского фарфора, а оттуда, через Сингапур и порты Австралии, добраться до островов Полинезии.

Плавание было утомительным. В трюмах пахло гниющей селёдкой, матросы ругались, казалось, на всех языках Европы. Первые недели он провёл в своей тесной каюте, борясь с морской болезнью и читая захваченные с собою книги о Полинезии — записки Кука, Бугенвиля, Лисянского. Он составлял словарь полинезийских слов, пытаясь найти в них созвучия с древнееврейскими корнями, и размышлял, не яв-

ляются ли островитяне потомками одного из потерянных колен Израилевых. Наскучив чтением, принимался за дневник. Он писал о волнах, которые кажутся «словами безмолвной литании», о лицах матросов, «закалённых грехом и солью», о том, как ночь в океане напоминает «безбрежную тьму до сотворения». Иногда размышлял о том, как будет объяснять туземцам Троицу. Начал было составлять в уме упрощённые притчи: «Бог — как дерево: корни — Отец, ствол — Сын, листья — Дух». Но тут же отверг эту мысль: ведь дерево умирает, а Бог — вечен.

В остальное время он молился, — почти беззвучно шевеля тонкими, бескровными губами, чтобы не спугнуть надежду. В такие минуты океан казался ему метафорой божественного хаоса, из которого рождается порядок.

Когда они миновали мыс Доброй Надежды, море успокоилось, и Вайсман начал выходить на палубу, каждый раз преисполняясь восторгом от того, что его лёгкие расправляются во всю ширь, словно паруса. Капитан, заросший седыми бакенбардами, хмуро косился на него. «Ещё один спаситель душ, — ворчал он своему помощнику. — Видел я таких. Через полгода будет молить отвезти его обратно». Самому Вайсману он заявил, что «дикарям вера не нужнее, чем рыбе зонтик». Ответный поток красноречия Вайсмана заставил его, впрочем, пробурчать про себя, что «этот пастор говорит так, будто спорит с самим дьяволом».

Остров появился на горизонте февральским утром 1869

года — его поросшие лесом холмы казались россыпью изумрудов на сияющем зеркале вод. Когда «Нептун» бросил якорь в лагуне, к борту устремились десятки каноэ. Туземцы — бронзовокожие, с вьющимися волосами, украшенными цветами гибискуса, — смеялись и что-то выкрикивали на певучем языке.

Вайсман спустился в шлюпку вместе с капитаном и двумя матросами. На берегу его встретила толпа человек в двести — мужчины и женщины, совершенно обнажённые. Дети без страха подбегали к чужеземцу, трогали его одежду, слюнявили палец и пытались потереть бледную, покрытую веснушками кожу.

Появился вождь — высокий мужчина лет сорока с изощрённой татуировкой в виде рыб и птиц, покрывавшей его торс. Он произнёс длинную речь, из которой Вайсман понял лишь несколько слов, похожих на таитянские. Затем последовал обмен дарами. Вайсман преподнёс вождю стальной нож, зеркало и отрез красной материи. В ответ получил ожерелье из ароматных белых цветов, циновку тончайшей работы и визжавшего поросёнка в плетёной корзине.

Вечером состоялся пир у громадного баньяна в центре деревни. Туземцы зажарили в земляной печи поросёнка и несколько больших рыб, подали плоды хлебного дерева, какие-то жареные клубни, горы манго, кокосовое молоко в скорлупе. Вайсман заметил, что перед едой никто не произносил молитв, не делал подношений духам. Они просто ели,

смеялись, пели песни, которые звучали радостно и беззаботно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.